

Я отмахиваюсь от волны, взмахнув рукой.

Это отчаянная попытка удержать город от погружения в глубокие тени морских глубин.

- Защитное чудо, Стена.

- Дарующее чудо, Стабильность.

Не все монстры забираются на крыши.

Я перегораживаю улицы и переулки стенами, изменяя направление потока, и сминаю их скопления рукой, сокращая количество.

Тем временем я отчаянно пытаюсь вспомнить, каково же моё божественное имя.

Переворот. Нет. Мне не удалось обратить вспять законы земли и неба.

Победа? Конечно, нет.

Даже если бы Победа была моим божественным именем, я бы никогда не пробудился в такой ситуации.

Непоколебимость... Похоже, но нет.

Доказательством тому служила неспособность вселить в людей сильную волю.

На всякий случай я перебираю в уме и негативные аспекты: резню, смерть, бездействие... но всё не то.

Расплата не заставила себя ждать.

— О, они приближаются!

— О, Свет, не покидай нас, веди нас...

В голосах людей, защищающих часовню и ограду внизу, звучала тревога.

Свет отступал шаг за шагом.

Причина этому — чёрное солнце, поднимающееся к зениту.

По мере того, как чёрное солнце приближается к центру, город погружается во тьму.

И из этой тьмы, выходящей за пределы человеческого восприятия, сквозь тонкую оболочку, окутывающую мир, хлынули демоны и монстры.

Их становится всё больше и больше.

Полдень.

Так же, как тень исчезает, когда солнце находится в зените, настал момент, когда и солнечный свет должен был полностью исчезнуть.

Ещё большей проблемой был состав надвигающейся орды монстров.

— Что происходит? Что ты видишь? — Бартол, поручивший Аду заботу о детях, выбежал к ограде.

Я почувствовал это, когда отбивался от очередной волны упырей.

Ощущение, будто горстка мелкого песка рассыпается в моей руке.

— Мне кажется, облака... двигаются.

— Из-за всеобщего шума трудно разобрать, но... кажется, я слышу жужжание насекомых.

В отличие от меня, полагавшегося на свои ощущения, Бартол сделал вывод, основываясь на словах охранников, защищавших ограду.

— Движущееся облако насекомых... Уайтлок!

Прибыла тварь, с которой чертовски трудно справиться.

И в тот же миг я почувствовал на себе ещё один взгляд, помимо взгляда чёрного солнца.

[Ты тоже мертворождённый.]

* * *

Люди думают, что мир погиб, но это не совсем так.

Хотя свет и боги потерпели поражение, а большинство людей погибли, сам мир ещё не погиб. Тот факт, что мы всё ещё живы, служит тому доказательством.

Если бы мир действительно погиб, мы бы все умерли, не успев вздохнуть.

Причина, по которой мир всё ещё существует, несмотря на гибель богов, ангелов, а также бесчисленных героев и армий, проста.

Просто вспомните, как старые империалистические державы боролись за право решать судьбу слабых стран.

Бог Солнца вынужден бездействовать в обмен на помощь, оказанную ему в становлении единственным небесным светилом, а демоны сражаются друг с другом за обладание большим количеством человеческих душ.

Большинство остальных богов, погибших в битве или бежавших с небес, скрылись или были поглощены.

Среди поглощённых богов был и Бог Жизни, а поглотившим его демоном была...

[Ты вступил в эту битву, не зная своего божественного имени, как это печально. Ты подобен живому мертвецу, и как матери, мне тебя жаль.]

Мать всех упырей, можно сказать.

В игре она была известна тем, что постоянно несла всякую чушь о том, что она моя мать. И, конечно же, как и подобает главарю всех демонов-упырей, выглядела она отвратительно.

Неудивительно, что в шутку говорили, будто для прохождения «Последней кометы» нужно совершить отцеубийство.

В другой ситуации я бы не стал слушать эту чушь, но сейчас она отвела своих приспешников, чтобы поговорить со мной.

Упыри и всевозможные твари, не говоря уже о демонах, сгрудившиеся вокруг, опасаясь помешать своей повелительнице, попятились.

Должен признать, её методы начать разговор весьма демоничны.

Я опустил руки, которыми всё это время непрерывно размахивал, и ответил на её призыв.

— Что ты хочешь сказать?

[Ты знаешь о пророчестве, предназначенном для тебя, дитя моё?]

Ну конечно, о каком ещё пророчестве может идти речь?

Чёрное небо без единой звезды, мир, умирающий в лучах чёрного солнца, и последний бог, рождённый в этом мире.

Мать Мертворождённых истолковала эти строки по-своему.

[Дитя, рождённое в утробе мёртвой матери. Недоношенный младенец, рождённый богом, но не ставший им. Я нарекаю тебя мертворождённым, ибо твоя жизнь неполноценна.]

Надо же, как изысканно она оскорбляет меня и моих родителей.

Однако Мать Мертворождённых уже разгадала мою сущность и мои пределы.

[Эта тревога и беспокойство... ты боишься не поражения. Ты всё ещё не обрёл своё божественное имя.]

— Ты мне угрожаешь?

[Приди ко мне. Стань моим сыном и наследником, веди за собой легионы нежити, которым дарована вечная жизнь.]

Бессмысленное предложение.

Я снова приготовился к бою и спросил:

— А если я откажусь?

[Тебя ждёт та же участь.]

В этот момент голос, звучавший у меня в голове, начал превращаться в буквы.

Буквы распались на линии, линии соединялись друг с другом, и в конце концов образовали единый образ.

Обтянутый кожей скелет, настолько истощённый, что видны все кости. Женщина в чёрной вуали, похожая на безутешную вдову, сбрасывает одежду.

Обнажается её грудь, и сквозь синеватую кожу, испещрённую выступающими рёбрами, проступают очертания заключённого внутри сердца.

Хотя формой это напоминало скорее не сердце...

[А-а-а, а-а-а...]

[Оковы жизни и смерти обратились в вечную жизнь без надежды на освобождение. Смотри же, дитя моё, на чудо вечной жизни. На конец лицемера, скрывавшегося за маской трагедии.]

Под кожей билось в агонии человеческое тело. Оно пыталось вырваться, но, обратившись в сердце, уже ничего не могло поделать.

Видение закончилось.

Ужасающее зрелище, явленное мне Матерью Мертворождённых, снова распалось на линии, затем на буквы, а затем обратилось в голос.

В основе её слов лежала непоколебимая уверенность в том, что я приму её предложение.

[О, мертворождённый во тьме, приди ко мне, в объятия матери. И тогда все будут воспевать нашу милость.]

Я огляделся.

Они что, серьёзно думают, что, сожрав кого-то по кусочку, можно завоевать его доверие? У меня закрались серьёзные сомнения в психическом здоровье той, кто сделала мне это предложение.

Мне не потребовалось ни секунды, чтобы дать ответ.

— Проваливай, тварь.

[...]

— Я не собираюсь иметь с тобой ничего общего.

Я чувствую, как исчезает её пристальный взгляд.

И в тот же миг монстры, послушно замершие на месте, снова пришли в движение. Похоже, они решили, что их щедрое предложение было отвергнуто, и пришли в ярость... Знаете, обидно, что всё так обернулось.

Кто в здравом уме будет ставить всё на кон в заведомо проигрышной игре?

На всякий случай я решил ответить пожёстче, но, похоже, ни бунт, ни отцеубийство не были моим божественным именем.

И расплата за решение сражаться, не обретя своего божественного имени, не заставила себя ждать.

=Ты отвергаешь спасение, дарованное тебе по праву?=-

=Ты смеешь отвергать место единственного сына?=-

На этот раз всё было иначе.

Демоны-сколопендры, копошившиеся на крышах, пришли в движение. Конечно, они не настолько сильны, чтобы представлять для меня угрозу.

Я уже разделался с Такскулли, чьё имя было вписано в демонический кодекс, так что эти твари, ползающие вокруг в бессильной ярости, для меня не соперники.

Бам!

Я раздавил одного из монстров, пытавшихся прорваться сквозь стену. Те, кто пытался перелететь через стену, были сбиты на лету.

Но пока я отбивался от монстров, кольцо осады, образованное упырями, становилось всё теснее.

Больше всего меня беспокоило чёрное солнце.

Почему демоны бездействовали? Почему они были так уверены в своей победе, несмотря на все потери? Ответ на все эти вопросы крылся в чёрном солнце.

— Все в часовню! Нам всё равно не удержать ограду!

— Бросьте факелы и бегите!

Бартол принял верное решение.

Когда чёрное солнце достигло зенита, тьма окутала всё вокруг. Безопасными оставались лишь здания, укрытые крышами.

Даже со стороны особняка, казавшегося относительно безопасным, доносился отвратительный запах.

Тревога, страх, отчаяние.

Даже Венн, эта невозмутимая женщина, запаниковала и не знала, что делать.

Мне приходилось не только отбиваться от нападающих демонов и монстров, но и отдавать приказы.

— Спрячьтесь в особняке и не выходите, пока всё не закончится! Вся их мощь обрушится на меня!

Тьма скрывает не только обзор.

Я чувствовал, как сквозь тонкую пелену, разделяющую миры, прорываются всё новые и новые монстры.

С каждой моей победой их число только умножается.

В какой-то момент у меня не осталось времени даже на использование чудес. Стоило мне хоть на секунду прекратить использовать божественную силу, как меня тут же разрывали на части. Накопленный мной за годы игры опыт и знания были бессильны перед таким натиском.

У меня нет ни союзников, ни друзей, на которых можно положиться.

В какой-то момент я остался один на один с ордой под чёрным солнцем, став единственным источником света в этом мире.

Мир, где разрывают плоть и кости, где слышны лишь крики и стоны.

И вдруг среди людей, затаивших дыхание, раздался знакомый голос.

— Я хотел увидеть звёзды.

Бог видел всё, что происходит вокруг него.

Даже если его взгляд был обращён в другую сторону.

Люди повернулись к человеку, нарушившему молчание.

Тодл. Человек, пожертвовавший своим сыном и другими детьми, чтобы исцелить ангела, поднял с земли стеклянный осколок.

Ад, увидев это, схватил валявшийся на земле кусок доски и зарычал:

— Не смей приближаться к детям! У меня тоже есть оружие!

— Я просто хотел ещё раз увидеть звёзды. Звёзды, по которым тосковал мой сын. Я хотел увидеть их вместе с ним.

Тодл сжал в руке запачканный кровью осколок стекла.

— Остановись, пока не поздно. Тодл... если ты осознал свою неправоту, ты должен остановиться.

Бартол попытался вразумить его, но хватка Тодла не ослабла.

— Хорошо, что небеса пали.

Тодл собирался не принести детей в жертву...

— ...Мне не придётся извиняться перед ними.

...а пожертвовать собой.

Не дав никому опомниться, Тодл, не колеблясь, приставил осколок к горлу. Он полоснул себя по шее острым, как бритва, краем стекла, покрытым засохшей кровью.

Последние слова Тодла были обращены не к людям, а ко мне.

— Я решил, что так будет лучше, чем попасть в лапы демонов.

Это было не оправдание, а раскаяние.

Тодл пытался убедить себя в своей правоте, но так и не смог избавиться от чувства вины. Слова, которые он не мог произнести при жизни, вырвались из его уст лишь перед смертью, словно исповедь.

Его поступок непростителен, но я могу понять его мотивы.

Нет ничего плохого в том, чтобы желать, чтобы в небе светил свет.

...В этот момент моя интуиция, молчавшая до сих пор, внезапно ожила.

Основа жизни.

Человеческий инстинкт искать утешения в свете.

Причина, по которой мы каждый день ждём восхода солнца, когда мир погружается во тьму.

И...

Причина, по которой мы с благоговением смотрим на ночное небо.

Вспомнив всё это, я поднял голову к небу.

К чёрному небу, на котором не осталось ни одной звезды.

И тогда из разрушенного города, окутанного тьмой, начали подниматься воспоминания и жизни погибших, ещё не обретшие своего хозяина.

Словно облака пыли, поднимающиеся из-под копыт коней, или утренний туман над рекой.

Пусть их цвет и был не таким ярким, пусть их свет был слабым, но они всё равно сияли. Они мерцали, то разгораясь, то затухая, отражая радость и печаль, смирение и надежду.

Если не присматриваться, их можно было принять за обычные песчинки.

— Свет?

Чей-то шёпот, прозвучавший, словно издали, связал облака пыли воедино.

Большинство посчитало бы их незначительными, но, собранные вместе, они носили совсем другое имя.

Туманность.

Я сжал туманность в руке и, глядя на вселенную, открывшуюся за пеленой человеческой оболочки, осознал своё божественное имя.

Когда я разжал руку, то, что лежало на моей ладони, больше нельзя было назвать горсткой пыли.

В моей руке, освещая тьму, изливающуюся из чёрного солнца, мерцала звезда.

Я поднял руку, чтобы отпустить звезду, чтобы запустить её в небо.

— Звездотворение!